

Вячеслав Навроцкий

**Россия
и
движущие силы истории**

Книга 1. Мафиократия

Вячеслав Навроцкий

**Россия и движущие силы
истории. Книга 1. Мафиократия**

«Издательские решения»

Навроцкий В. В.

Россия и движущие силы истории. Книга 1. Мафиократия /
В. В. Навроцкий — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-961331-8

Эта книга посвящена ответу на вопрос, каким образом социалистическое общество превратилось в общество криминального капитализма. В книге анализируются основные факторы, способствовавшие идеологической переориентации советского правящего класса и его слиянию с преступным миром. Показано, что разрушительные реформы постсоветской эпохи являются продолжением методов перераспределения общественного богатства, сформировавшихся внутри советской системы. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ISBN 978-5-44-961331-8

© Навроцкий В. В.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ к циклу «Россия и движущие силы истории»	6
ВВЕДЕНИЕ к циклу «Россия и движущие силы истории»	8
о методе	8
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Россия и движущие силы истории. Книга 1. Мафиократия

Вячеслав Вадимович Навроцкий

© Вячеслав Вадимович Навроцкий, 2019

ISBN 978-5-4496-1331-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ к циклу «Россия и движущие силы истории»

О крушении СССР и советского общественного строя написано огромное количество книг и статей. И все же это событие, как и другие события такого масштаба – например, революция в России 1917 года или Великая Французская революция – до сих остается загадкой.

Понимание этого события затрудняется не только сложностью вызвавших его процессов, но и тем, что такое понимание противоречит интересам мировых элит. Как метко заметил по этому поводу историк Андрей Фурсов, обществу внушается мысль: «Проехали, забудьте!». Поддаваясь этому внушению, многие – особенно те, кто родился после распада СССР – удовлетворяются предложенными им простыми объяснениями. Они не видят смысла искать какие-то иные причины случившегося, думая примерно так: «Зачем мне тратить на это время и силы, ведь от этого ничего не изменится? Пусть историки между собой разбираются. Я живу в новой реальности и мне важнее понимать, что происходит вокруг меня сейчас».

Дело, однако, в том, что все принципиально важное, что происходит в нашей стране после распада СССР (и многое из того, что происходит в мире), есть продолжение процессов, которые начались намного раньше.

В математике есть понятие рекурсии, когда каждый следующий член числового ряда вычисляется как результат функции от предыдущих членов. Нечто похожее имеет место и в истории. В силу ограниченности человеческого знания и интеллекта людям может казаться, что те или иные события произошли неожиданно, что их ничто не предвещало. Однако в реальности будущее всегда вырастает из прошлого. Зависимость будущего от прошлого неоднозначна, но она существует, и если мы не знаем прошлое, то плохо понимаем настоящее и можем сильно ошибаться относительно будущего.

Серия книг под общим названием «Россия и движущие силы истории» посвящена исследованию причин краха советской системы, но при этом затрагивает множество других событий, в том числе далеко отстоящих во времени от советской эпохи. Эти книги – не публицистика, а попытка изложить в доступной широкому читателю форме результаты многолетнего исследовательского труда. Форма выбрана не совсем стандартная: исследование представлено в виде своего рода «историсофского детектива», в котором полная картина происшествий раскрывается постепенно. Так получилось не из стремления автора к оригинальности или его желания дополнительно заинтриговать читателей. Такая форма организации исторического материала возникла сама собой, поскольку автор, начав свое исследование, оказался в положении, подобном тому, в которое попадает криминальный детектив, расследующий загадку чьей-то преждевременной кончины. Последнему, чтобы выполнить свою задачу, приходится выяснять не только обстоятельства смерти, но и некоторые детали личной жизни покойного, его знакомства и связи, мотивы поведения его друзей и врагов, и так далее. Одно тянет за собой другое, и в результате, расследуя единичное событие, детектив оказывается перед необходимостью рассмотреть целый ряд событий, в том числе весьма отдаленных друг от друга во времени и пространстве. То же самое произошло и с автором данного исследования. В результате на свет появились серия книг, каждая из которых посвящена определенной совокупности явлений, сил, социальных инстинктов, сыгравших важную роль в крахе советской системы.

Исследование социальных процессов подразумевает использование определенного, теоретически обоснованного, метода или концептуальной схемы. В современной науке сложилось неписаное правило, согласно которому только признанный авторитет «имеет право» на собственный метод, все остальные должны присоединиться к какой-либо научной школе. В области социологии это может быть миро-системный анализ Валлерстайна, теория конфликта

Дарендорфа, теория структурного функционализма (нужно выбрать между Парсоном и Мертоном), общая теория систем, структурализм или модернизм, а еще лучше – постструктурализм или постмодернизм. Этот список не полон; существует еще изрядное количество теорий, которые могут сыграть роль опознавательного знака для академических историков и социологов. Однако ни одна из этих теорий в чистом виде не подходит на роль организующего принципа для данного исследования. Общество – очень сложный объект, и каждый новый шаг в изучении этого объекта требует использования новых методов, поэтому автору пришлось выработать собственный подход. В основе подхода лежит постулат, согласно которому любое историческое событие является следствием не одного процесса, а ряда разнородных процессов и явлений, из которых ни одним нельзя пренебречь. Некоторые из них имеют универсальный характер; их действие можно обнаружить в событиях, относящихся к разным эпохам и народам, и по этой причине их можно назвать движущими силами истории. Более детальное описание этого подхода дается в Общем введении.

ВВЕДЕНИЕ к циклу «Россия и движущие силы истории»

о методе

На сегодняшний день существуют две основных точки зрения на причины распада советской системы. Согласно первой из них, этот распад есть результат действия внешних сил, а именно – экономического, политического, военного и информационного давления со стороны развитых государств Запада (разные авторы выделяют разные аспекты этого давления). Вторая точка зрения на первое место ставит врожденные недостатки советской системы. Для многих исследователей очевидно, что ни одна из этих двух точек зрения не может быть признана вполне правильной, и что внешние и внутренние причины действовали совместно. Тем не менее, до сих пор не существует концепции, которая объединила бы эти два крайних мнения.

С другой стороны, далеко не все факторы, влияющие на эволюцию социальной системы, можно классифицировать по принципу «внешние-внутренние». Например, И. Р. Шафаревич в книге «Трехтысячелетняя загадка» доказывает, что на эволюцию советской системы серьезное влияние оказывали настроения советских евреев. Всем, кто интересуется еврейским вопросом, известно, что для еврейства не существует государственных границ. Евреи как этническое меньшинство были частью советского общества, но в то же время они были частью мирового еврейства. Куда же отнести их интересы и настроения – к внутренним или внешним факторам?

Еврейская тема, а также темы «агентов влияния», масонов и прочего в этом роде неизбежно порождают методологическую проблему: каким образом можно включить групповые действия в сферу научного анализа? До сих пор научным признается взгляд на историю как на совокупность стихийных процессов. Единственным исключением является марксизм, который выводит на сцену истории сознательные усилия общественных классов и при этом считается респектабельной научной теорией. Однако методология марксизма слишком примитивна, чтобы с ее помощью можно было понять реальные общественные процессы (марксисты с этим не согласятся, но это их право).

Объяснение исторических событий длительными целенаправленными усилиями тех или иных элементов общества стало приобретать широкую популярность после Великой французской революции. В XX веке различные варианты этого объяснения получили общее название «теория заговора». В академических кругах упоминание этой теории иначе чем в ироническом контексте считается неприличным, однако и в этих кругах есть свои еретики. К последним относится, например, Кэрролл Куигли (1910—1977), преподававший историю в университетах Принстона, Гарварда и Джорджтауна. Правда, серьезной академической карьеры Куигли не сделал. В престижных Принстоне и Гарварде он был инструктором, а профессором ему удалось стать лишь в Foreign Service School при Джорджтаунском университете. Однако его неформальная репутация как специалиста в области истории и политологии была чрезвычайно высока. Его неоднократно приглашали в различные институты и национальные агентства как лектора и консультанта. Куигли был знаком со многими влиятельными людьми в США, и его взгляд на историю основывался в значительной степени на личном опыте. В редакторском предисловии к книге Куигли «Англо-американский истэблшмент», опубликованной уже после его смерти, приводятся следующие его слова: «Для человека, не входящего в этот круг, нелегко писать историю тайной группы этого рода, но... это надо сделать, поскольку существование

этой группы, как я собираюсь показать, представляет собой один из наиболее значительных исторических фактов XX столетия» (Quigley 1981).

С точки зрения здравого смысла теория заговора весьма уязвима. Да, люди способны ставить цели и добиваться их осуществления, но люди никогда не обладают полной информацией, в их расчетах неизбежны ошибки, их возможности предвидеть будущие события фундаментально ограничены лавинообразным накоплением случайных отклонений. Все это, взятое вместе, достаточно ясно говорит о том, что взгляд на историю как на заговор не может служить философской основой серьезного исследования. Это не означает, однако, что роль социальных, этнических и религиозных групп можно игнорировать. «Заговор» является неотъемлемой частью истории, и он должен занять свое законное место в научной картине мира.

Анализируя литературу о причинах крушения СССР, можно составить целый список явлений, каждое из которых сыграло свою роль: особенности государственного управления, особенности экономической системы, сепаратизм Западной Украины и Прибалтики, интересы крупного западного капитала, хищные инстинкты западной цивилизации, «агенты влияния», мировое масонство, евреи внутри и снаружи, и т. д. Вполне может быть, что через некоторое время станут известны новые факты, из которых будет следовать, что свой вклад внесли еще какие-то процессы, которые ранее считали несущественными или о которых вовсе не догадывались. С точки зрения методологии, первостепенное значение приобретает вопрос о создании такой схемы анализа, которая позволяла бы включать в рассмотрение факторы самой разной природы, в том числе и те, о которых мы сейчас ничего не знаем, и при этом не менялась бы принципиально. Иначе говоря, желательно найти такую схему, которая была бы структурно устойчивой по отношению к любым включаемым в нее процессам.

Решить эту проблему может помочь идея, которую около двух столетий назад сформулировал основатель социологии Огюст Конт. Идея Конта состояла в отказе от поиска «смысла истории»; вместо этого он предложил описывать динамику общества так же, как описывается движение тел в механике Ньютона. Этот переход от религиозно-философского описания к аналитическому был назван «позитивизмом».

Читателю, который подзабыл школьный курс физики, напомним, что до Ньютона явления природы (например, движение тел) объясняли путем наделения ее воображаемыми свойствами: боязнь пустоты, предпочтение простого сложному и т.д.; еще раньше, до Аристотеля, каждое тело наделялось душой. Ньютон отказался от истолкований такого рода, заменив их универсальным понятием силы и сформулировав законы, связывающие величину приложенной к телу силы с характеристиками движения этого тела (скоростью и ускорением). Конт предложил аналогичным образом ввести в социологию понятие «движущей силы общественного развития» и попытаться найти законы, связывающие величину этой силы с характеристиками социальных изменений. В качестве наиболее важных примеров «движущей силы» Конт выделял философские и религиозные доктрины, экономические факторы и природные условия.

Несмотря на то, что Конт был настроен очень оптимистично относительно перспектив нового подхода, ни ему самому, ни его последователям так и не удалось создать в социологии ничего подобного тому, что Ньютон создал в механике. Различие между обществом и физической системой оказалось слишком велико, и в настоящее время позитивизм считается пройденным этапом. Однако идея Конта все же сохранилась в истории и социологии под именем «полифакторного» или «плюралистического» подхода. Суть его состоит в том, что исторический процесс объявляется результатом воздействия многих факторов – экономического, политического, идейного, психологического, биологического, географического, демографического и т.п., из которых ни один, вообще говоря, не является определяющим, хотя в отдельных исторических эпизодах какие-то из них могут выходить на передний план.

У «полифакторного» подхода есть два слабых места. Во-первых, в нем не проводится различия между движущими силами и факторами исторического процесса. Например, аме-

риканский ученый Элсуорт Хантингтон в монографии «Главные движущие силы цивилизации» (1945) выделяет три фактора (они же – силы): генетическую наследственность, физическую среду (климат, ландшафт, растительный и животный мир, питание, плотность населения) и культурное наследие. С нашей точки зрения, считать физическую среду «движущей силой цивилизации» никак нельзя, ее следует рассматривать именно как фактор, т.е. как совокупность географических, климатических и био-экологических условий, в которых возникает и существует та или иная цивилизация.

Во-вторых, этот подход не подразумевает систематизации, ранжирования движущих сил. Соответственно, отсутствует принцип, позволяющий использовать одну и ту же схему анализа применительно к разным цивилизациям и разным народам. Использование такой универсальной схемы могло бы оказаться плодотворным – по крайней мере, в тех случаях, когда цивилизации и народы оказываются в сходных исторических ситуациях.

Избавиться от этих недостатков «полифакторного» подхода можно, если попытаться упорядочить различные процессы, ведущие к социальным изменениям, с помощью принципа, который мы условно называем принципом движущих сил истории. Этот принцип вытекает из следующего, достаточно очевидного, рассуждения: если мы хотим понять причины происходящих в обществе изменений, мы должны интересоваться не только тем, что люди делают, но и тем, почему они это делают – иначе говоря, какие силы толкают людей на совершение тех или иных действий и откуда эти силы берутся. Такая постановка вопроса более характерна для социологии, чем для истории, но если наполнить понятие силы определенным смыслом применительно к обществу, а не к индивиду, то различие между историей и социологией будет не столь существенным.

Уместно привести цитату из классического труда по русской истории – курса лекций Василия Ключевского:

«Сложившегося порядка люди держатся, пока непрерывное движение исторической драмы не заменит его другим. Во всех этих изменениях историка занимают два основных предмета... Накопление опытов, знаний, потребностей, привычек... – словом, выработка человека и человеческого общежития – таков один предмет исторического изучения. Степень этой выработки, достигнутую тем или другим народом, обыкновенно называют его культурой, или цивилизацией; признаки, по которым историческое изучение определяет эту степень, составляют содержание особой отрасли исторического ведения, истории культуры, или цивилизации. Другой предмет исторического наблюдения – это природа и действие исторических сил, строящих человеческие общества, свойства тех многообразных нитей, материальных и духовных, помощью которых случайные и разнохарактерные людские единицы с мимолётным существованием складываются в стройные и плотные общества, живущие целые века. Историческое изучение... свойств и действия сил, созидающих и направляющих людское общежитие, составляет задачу особой отрасли исторического знания, науки об обществе, которую также можно выделить из общего исторического изучения под названием исторической социологии. Существенное отличие её от истории цивилизации в том, что содержание последней составляют результаты исторического процесса, а в первой наблюдению подлежат силы и средства его достижения, так сказать, его кинетика. По различию предметов неодинаковы и приёмы изучения» (Ключевский. Курс русской истории. Лекция I)¹.

¹ Мы не ссылаемся на конкретное издание «Курса лекций» Ключевского, потому что таких изданий существует великое множество, в том числе на Интернет-ресурсах. Желющие могут легко проверить приводимые цитаты из этого курса – для

Принцип движущих сил истории, который будет описан ниже, более относится к «исторической социологии», чем к истории культуры, но в то же время он позволяет понять, как то, что происходит «здесь и сейчас», порождает изменения во времени, создающие историю. Тем самым он позволяет до некоторой степени преодолеть разделение исторического знания на две отрасли.

Идея, лежащая в основе принципа движущих сил истории, чрезвычайно проста. Хотя человек обладает разумом, его поведение определяется, в основном, различными над-индивидуальными установками, то есть стереотипами мышления и поведения, которые он сам в большинстве случаев не может осознать и контролировать. Поскольку история создается человеческим поведением, наличие таких установок означает, что творят историю, в конечном итоге, именно они – установки, а не люди, им следующие. Эти программы человеческого поведения и есть движущие силы истории.

Источников таких программ существует много и природа их может быть разной. Путаницы в этом вопросе можно избежать, если провести по какому-либо критерию классификацию первичных источников – то есть таких источников, которые нельзя свести ни к каким другим. Наиболее простым и естественным кажется выстроить первичные источники по степени распространенности порождаемых ими сил. Тогда мы получим пирамиду, в основании которой должен лежать источник, который действует всегда и «охватывает» всех людей. Очевидно, что первым и самым общим источником программ человеческого поведения является биологическая природа человека. На этом уровне мы имеем дело с инстинктами, свойственными всем высокоорганизованным живым организмам. Затем следуют уже специфически человеческие инстинкты; часть из них имеет свои аналоги в животном мире, но все они модифицированы социальной природой человека.

Помимо таких «общечеловеческих» программ, существуют установки поведения, которые различны для людей, живущих в разных районах Земли, в разные эпохи, в различных экономических и политических системах, и т. д. Упорядочить это разнообразие программ можно, если заметить, что люди не живут поодиночке. Они живут группами, и именно мышление и поведение групп создает историю. Поэтому настоящим «квантом» человечества следовало бы считать не индивида (изолированный индивид не способен поддерживать существование человека как вида), а группу, которая сохраняет свои отличия от других групп в историческом масштабе времени. Такую группу принято называть расой, народом, нацией или этносом. Между этими понятиями существуют различия, на которых мы сейчас не будем останавливаться. Заметим только, что социальным аналогом биологической популяции является именно этнос – то есть группа с уникальным набором физических и психологических черт, противопоставляющая себя в течение исторического промежутка времени другим подобным группам.

Далее, люди могут принадлежать к одному этносу, но вести себя по-разному, если они воспитывались в разной культурной среде. Эскимос, воспитанный в семье английского лорда, будет вести себя иначе, чем эскимос, выросший в тундре. Следовательно, необходимо ввести понятие, которое отражало бы вклад культуры в создание стереотипов поведения. Наиболее подходящим для этого представляется понятие цивилизации. Цивилизация вторична по отношению к этносу и в нашей пирамиде источников должна располагаться над ним. Однако здесь необходимо сделать оговорку: этнос и цивилизация – две взаимодополняющих категории объектов. С одной стороны, цивилизация есть продукт жизнедеятельности этноса или суперэтноса (группы близких друг другу этносов); с другой стороны, цивилизация может поддерживаться несколькими сменяющимися друг друга этносами, как это имело место, например, в Китае.

этого достаточно знать номер лекции, который мы и указываем.

Стереотипы поведения людей, принадлежащих к одному этносу или одной цивилизации, но живущих при разных экономических и социально-политических режимах, тоже не обязательно будут одинаковыми. Значит, есть еще что-то, что накладывает свой отпечаток на психологию человека, и это что-то в самом общем виде может быть определено как общественный строй или – более современный термин – социальная (социально-экономическая) система. Именно это, скорее всего, имел в виду Конт, когда выделял в качестве движущей силы общественного развития экономические условия. Возникновение нового общественного строя, вообще говоря, является такой же загадкой, как и возникновение этноса, но бесспорно одно: появившись на свет, он сразу предъявляет свои требования к человеку, и его тяжелых объятий не удастся избежать никому. Поэтому социальная система есть пятый законный кандидат на роль первичного источника программ человеческого поведения.

Внутри данной социальной системы всегда существует какая-то стратификация, и поведенческие стереотипы основных социальных групп могут различаться, даже если эти группы принадлежат к одному этносу и одной культуре. Можно предположить, например, что революционная деятельность европейской буржуазии в XVII—XIX веках диктовалась психологической установкой, которая формировалась исключительно в пределах этого общественного класса и не распространялась на аристократию и крестьянство. Поэтому шестой источник программ поведения есть социальная группа (класс), которая обладает своим собственным менталитетом, отличным от менталитета других социальных групп в данном обществе.

Наконец, последний, седьмой уровень этой иерархии – человеческие представления о мире, в том числе неосознаваемые установки мышления и поведения. Уместно вспомнить слова Маркса о том, что идея, овладевшая массами, становится материальной силой (его собственное учение является наглядным тому примером). Когда Конт создавал свою науку об обществе, среди всех социальных сил на первое место по важности он ставил мифы и религиозно-философские учения. В конце XIX века Дюркгейм ввел в социологию термин «коллективные представления», под которым он понимал культурные и моральные традиции. Среди историков первыми о коллективных представлениях стали писать Марк Блок, Люсьен Февр, Жак Ле Гофф и другие основатели французского журнала «Анналы экономической и социальной истории». Для обозначения коллективных представлений они использовали термин «ментальности» – *mentalités*. Их основная идея состояла в том, что для того, чтобы что-то узнать о прошлом, надо стремиться понять типичный образ мыслей человека изучаемой эпохи и культуры.

Таким образом, мы получили пирамиду основных источников программ человеческого поведения. В этой пирамиде семь уровней: биосфера, антропосфера (человечество), этносфера, цивилизации, социальные системы, социальные группы и человеческие представления о мире (культурные традиции, моральные ценности, идеологические доктрины). Эти источники – а, следовательно, и порождаемые ими программы – различаются по продолжительности своего существования. Биологические инстинкты существуют всегда, пока существует человек; характерное время существования этносов и цивилизаций составляет тысячу лет; социальные системы, если исключить аграрные общества древности, живут сотни лет; что касается идеологий, то к ним понятие «характерного времени» неприменимо: они могут держаться тысячелетиями, а могут исчезать из памяти народов за десятилетия.

В этой книге влияние идей рассматривается, условно говоря, с материалистических позиций. Мы не исключаем, однако, что существует и другой механизм, посредством которого идеи или образы воздействуют на людей. Широко известны представления индийской философии о существовании «тонких планов» (астральный, ментальный и т.д.), на которых мысли и эмоции обитают как живые существа². Допустим, что справедлива следующая гипотеза:

² В XX веке эти представления стали ассоциироваться прежде всего с теософией и антропософией, однако основатели

люди взаимодействуют между собой не только посредством «материальных» (мы берем это слово в кавычки, чтобы подчеркнуть условность противопоставления материального и идеального) носителей информации, но и посредством «тонких планов», или, выражаясь современным научным (или псевдо-научным, неважно) языком, посредством энергоинформационных полей. Нетрудно видеть, что это означает существование еще одного уровня, на котором возникают программы коллективного поведения. Действительно, если энергоинформационные поля существуют, то посредством этих полей люди могут «заражать» друг друга определенными мыслями и эмоциями. Это объясняет, в частности, особенности поведения больших масс людей, столь ярко описанные Ле Боном в конце XIX века.

Если есть поля, то в них могут возникать структуры, способные какое-то время существовать самостоятельно. Возникнув однажды из мыслей и чувств, вызванных у людей каким-либо событием, эти структуры сами начинают возбуждать в людях определенные мысли и чувства. Так можно объяснить, например, поведение толпы, возбужденной зрелищем футбольного матча. Эту же идею можно использовать для объяснения ежедневного поведения миллионов городских жителей. В городе сконцентрировано большое количество людей, которые взаимодействуют друг с другом на психологическом уровне. Это взаимодействие характеризуется высоким уровнем стресса и таких чувств как раздражение, обида, ревность, злость и т. д. В сельской местности поводов для возникновения таких чувств значительно меньше и их интенсивность слабее в силу низкой концентрации людей и, соответственно, низкой концентрации человеческих эмоций. В городе высокая концентрация людей и отсутствие природной среды, способной поглощать и разлагать отрицательную психическую энергию человека, приводит к возникновению структур, питающихся отрицательными эмоциями. Эти структуры, в свою очередь, начинают направлять человеческое поведение так, чтобы нужная им «пища» была в изобилии. Круг замыкается: энергоинформационный паразит растет, растут и его возможности управлять людьми. В результате люди все больше превращаются в зомбированных производителей, потребителей и карьеристов, конкурирующих между собой за обладание благами (без которых они во многих случаях могли бы обойтись) и поставляющих питание энергоинформационному паразиту.

Если по какой-либо причине – например, отвечая на вопросы социологической анкеты – люди получают возможность задуматься о том, что они считают самым главным в жизни, они иногда с удивлением замечают, что их внутренние представления о счастье радикально отличаются от той системы ценностей, в соответствии с которой они строят свою жизнь. В глубине души каждый человек знает, что ему нужно для счастья. Какая же сила навязывает ему желания, которые он сам, по спокойном размышлении, считает неистинными? Кто заставляет его участвовать в этой бесконечной гонке, кто заставляет его бороться за все более высокий уровень материальных благ, подсиживать своих коллег, лстить и угождать начальству, эксплуатировать других людей (если не прямо, то опосредовано – как, например, каждый житель Запада эксплуатирует население остального мира)? Конечно, его заставляет это делать не только энергоинформационный паразит, но и он тоже.

Развивая эту идею, можно представить себе и большее. Можно предположить, что у каждого народа есть своя коллективная «душа», которая представляет собой, в современных терминах, некую структуру в энергоинформационном поле. Частью этой «души» становятся народные святые и святыни. Молясь иконам и прося их о помощи, народ вступает в контакт со своей «душой» и получает помощь «тонких планов». В русской истории есть эпизоды, которые допускают такое толкование. Когда в 1164 году на Русь напали волжские болгары, князь Андрей Боголюбский молился перед Владимирским образом Божьей Матери, и враги были разбиты наголову. В 1395 году, в княжение Василия Дмитриевича (Василия I), эта же икона,

согласно народному преданию, спасла Русь от нашествия Тамерлана (Божья Матерь явилась Тамерлану во сне и велела ему оставить пределы Русской земли). В память этого события был установлен праздник 26 августа. В 1480 году Москва опять была спасена молитвами перед чудотворной иконой – на этот раз от нападения Ахмета, хана Золотой Орды, и в память этого события был установлен второй праздник в честь Владимирской иконы Богоматери – 23 июня. В 1521 году, в царствование Василия III, татары под предводительством Махмед-Гирея снова двинулись на Русь. Опустошая все на пути, они дошли до Москвы и... повернули обратно. Легенда снова связывает это чудо с заступничеством Божьей Матери, перед Владимирским образом которой в Успенском соборе молились днем и ночью. Следует отметить, что историки до сих не могут достаточно убедительно объяснить, почему Тамерлан, Ахмет и Махмед-Гирей отказались идти на Москву.

«Тонкие планы» могут быть населены различными существами: там есть и «души народов», и «паразиты», и всякая «нечисть». Не исключено, что какие-то из «паразитов» живут сотни или тысячи лет, и в состоянии контролировать психические процессы в головах у миллионов людей. Они могут подготавливать такие события, как Варфаломеевская ночь, массовые убийства во время гражданских войн и революций, геноциды и этнические чистки. События такого рода объединяет массовое распространение стремления мучить и убивать, которое может держаться от нескольких дней до нескольких лет, превращая немыслимое ранее насилие в обыденное явление.

Князь Николай Жевахов в своих мемуарах приводит большой отрывок из статьи некоего В. Марка, который какое-то время работал врачом в Красной Армии. Статья называлась «Садизм в Советской России» и была опубликована в 1922 году в журнале «Двуглавый Орел» (№30 от 1/14 мая, с. 32—33). Вот цитата из этого отрывка:

«Грязное, отвратительное зрелище невообразимых пыток, расстрелов, убийств, мучительства и шпионства достигли в Советской России невероятной степени напряженности, и это нарастание жестокости достигло таких громадных размеров и, вместе с тем, сделалось столь обыденным явлением, что все это можно объяснить только психической заразой, которая сверху донизу охватила все слои населения. <...> Толпа всегда остается толпой и бессовестным демагогам нетрудно доводить эту толпу до самых диких проявлений безумной жажды истребления и утонченного садизма. Нравственный уровень толпы всегда бесконечно ниже нравственного уровня составляющих ее отдельных личностей, и поэтому толпа всегда является средой, наиболее подходящей для того, чтобы претворить в действие наносные внушения. Большевики сумели блестяще разнудать все тлетворные и преступные начала, дремавшие в душе русского народа. Большевицкий террор, по моему мнению, является ни чем иным, как широким разлитием той волны садизма, которым воодушевлено большинство комиссаров и их подчиненных» (Жевахов 1993, т. 2, с. 142—145).

Комментируя статью В. Марка, Жевахов замечает, что «тлетворные и преступные начала» присущи не только душе русского народа, но и всякой душе и, «притом, даже безотносительно к уровню ее «образования», и если не выходят наружу, то только потому, что их насильно не пускает магическое – нельзя...». Очень важно то, что он пишет дальше:

«Традиции поколений, светское воспитание, обычаи, среда, образование – способны были только до некоторой степени запугивать зверя в человеке... Убивала этого зверя только святость, а укрощала – власть... Вот почему я думаю, что садизм явился не причиной, а результатом большевицких приемов власти. Причиной же описанного нами массового

озверения была безнаказанность преступлений, возведение их даже на высоту гражданского долга..., та именно свобода, о которой так громко кричали либералы, о которой „прогрессивная общественность“ так болезненно тосковала. Замените слово „нельзя“ словом „можно“, и вы увидите, что все ужасы, творимые чекистами в России, побледнеют перед теми, какие наступят в самых культурных центрах Европы» (Жевахов 1993, т. 2, с. 149).

В статье В. Марка и комментарии князя Жевахова присутствуют все существенные моменты, которые должны присутствовать в том случае, если приписать необычайное распространение насилия после революции 1917 года влиянию некой структуры колоссальных размеров, возникшей в результате процессов самоорганизации энергоинформационного поля на территории России. Чем не движущая сила истории?

Источник этой силы, психическое или энергоинформационное поле, можно было бы включить в рассмотрение наряду с прочими, вышеперечисленными источниками, но мы не станем этого не делать – главным образом потому, что в этой области еще слишком много неизвестного и недостоверного, и включение столь спорных элементов в анализ может поставить под сомнение общие итоги работы. Все-таки данная книга написана в ином жанре, чем «Роза Мира» Даниила Андреева. Наш рассказ о «тонких планах» имеет целью лишь показать, что принятый нами метод позволяет включать в рассмотрение на равных правах самые разные явления – даже такие, которые на сегодняшний день практически игнорируются наукой.

В заключение заметим, что понятие движущей силы истории не подразумевает наличия законов, связывающих величину силы с произведенным ею эффектом. В отличие от Конта, мы не видим возможности построения «социальной механики», подобной той, которую построил Ньютон. Главным препятствием к переносу ньютоновских идей в историю и социологию является невозможность сформулировать универсальное правило сложения действующих на общество сил. Ньютоновская механика основана на принципе суперпозиции: если на тело действует несколько сил, то каждая из них имеет такую же величину, как если бы она действовала в отсутствие всех прочих. То есть силы не влияют друг на друга, поэтому их можно складывать векторно. Это утверждение даже в физике выполняется лишь тогда, когда силовое поле описывается линейными уравнениями. Реальные физические системы всегда нелинейны, а исторические и социальные – тем более. Движущие силы истории, порождаемые разными источниками, могут модифицировать друг друга. Кроме того, само деление на источники имеет в значительной мере условный характер. Это деление не четко – как по причине отсутствия общепринятых строгих определений указанных источников, так и по причине принципиальной ограниченности человеческих представлений. Понятия этноса, цивилизации, социальной системы и прочего есть вопрос удобства; они отражают не столько какую-то объективно существующую структуру мироздания, сколько структуру нашего знания о нем.

Предложенная классификация источников сил, действующих на общество, основана на широко распространенных представлениях о человеке и обществе, но она не является единственно возможной. Приняв иную классификацию, можно прийти и к иным выводам. Такова специфика социальных наук. В них не существует единой для всех точки опоры, гарантирующей, что разные исследователи, использующие один метод, будут всегда получать один и тот же результат. Много зависит от того, какая система ценностей находится в голове исследователя, каковы его критерии истины. То, как интерпретирует исследователь чужую ментальность, зависит от его собственной ментальности. По этой причине любой, кто пытается сказать о человеческом обществе что-то новое, подобен барону Мюнхгаузену, пытающемуся вытащить себя из болота. Опереться он может только на самого себя.

И последнее. Если обнаружены какие-то «универсальные причины» исторических событий, то всегда можно задать вопрос: а каковы причины этих причин? Если удалось ответить на этот вопрос и тем самым подняться в понимании событий еще на один уровень вверх, то

ничто не мешает задать этот вопрос снова. Теоретически этот процесс ничем не ограничен. Тем не менее, при нынешнем уровне знаний подъем на один уровень уже очень много значит, и в обозримом будущем человек вряд ли будет способен на большее. Можно, конечно, сразу указать на Бога как на конечную причину всего происходящего, как это делалось христианами-теологами на протяжении почти двух тысяч лет. Но понять конкретные исторические события, подобные распаду советской системы, это мало поможет.

Объяснение истории с помощью принципа движущих сил можно сравнить с подъемом над землей на аэростате или самолете. Поднимаясь все выше, мы перестаем видеть отдельных людей, отдельные деревья и дома. Зато мы видим, что деревья образуют лес, дома образуют город, города соединяются дорогами; мы видим озера, реки и берега морей. Аналогичным образом, с помощью принципа движущих сил мы поднимаемся над историческим ландшафтом и то, что раньше казалось хаосом, теперь приобретает определенную структуру. Мы перестаем видеть отдельных людей и начинаем видеть общество; малые события сливаются в большие, между которыми видны связи-дороги; случайные события вдруг оказываются частью больших процессов-рек. До определенного момента подъем вверх позволяет нам лучше разглядеть ландшафт, но потом мы начинаем терять из виду уже и крупные объекты, и дальнейший подъем, с точки зрения распознавания деталей ландшафта простым человеческим зрением, не имеет смысла. Нам не нужны причины, расположенные столь высоко, что мы не в состоянии понять, как они связаны с тем, что происходит внизу. Бог – это Высшая сила, но действует он посредством некоторого набора сил, более доступных нашему пониманию; вот эти-то силы и являются предметом науки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.